

Мавринский Илья Игоревич

кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры онтологии
и теории познания
Санкт-Петербургского государственного университета

Глазов Дмитрий Алексеевич

кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры квантовой механики
Санкт-Петербургского государственного университета

герменевтика субъекта как доминанта смысловой определенности

Аннотация:

Статья посвящена анализу процесса смены дискурсивных практик. Целью работы является экспликация связи между целостностями предметного поля, способов внесения определенности и стратегий реализации субъективности. Экспликация данной связи обнаруживает субъект как основание смены дискурсивных практик.

Ключевые слова:

достоверность, предмет, субъективность, смысл, данность, целостность, дискурс, практика.

Mavrinsky Ilya Igorevich

PhD in Philosophy,
Senior Lecturer, Ontology and Theory of
Knowledge Department,
Saint Petersburg State University

Glazov Dmitry Alekseevich

PhD in Physical and Mathematical Sciences,
Assistant Professor, Quantum Mechanics Department,
Saint Petersburg State University

THE SUBJECT HERMENEUTICS AS A DOMINANT OF SEMANTIC DEFINITENESS

Summary:

The article deals with the process of alternation of discursive practices. The aim of the article is the explication of the relations between the continuities of the subject field, the modes of definiteness introduction and the strategy of subjectivity realization. The explication of the relations reveals the subject as a foundation of discursive practices alternation.

Keywords:

certainty, object, subjectivity, meaning, entity, continuity, discourse, practice.

Вопрос о начале философии, безотносительно к тому, рассматривается ли он исторически, отсылая к конкретному процессу перехода от мифологических форм работы с предметностью к альтернативным им формам рациональности, или тематически, выстраивая порядок и отличие философии как дисциплины от других дисциплинарных исполнений человеческой активности, оказывается вопросом, выводящим к осознанию ряд целостностей, с которыми вынужден работать каждый, кто имеет дело с философией.

К такого рода целостностям относится, во-первых, целостность предметности, проявляющая себя в качестве естественной установки (Э. Гуссерль), связанной с удовольствием склонности сознания (И. Кант), предполагающим отнесение активности познания и действия к некоторому полю и, соответственно, выдвигающим перед человеческой активностью требование соответствия ему именно в отношениях связанности, целостности. Целостность предметности задает поле объектов (вещей, отношений, трансформаций), которые обнаруживают порядок действительного. Во-вторых, целостность способов работы с предметностью, отсылающая к возможности выстраивания взаимосвязей между различными областями познания, позволяющая объединять их исторически (например, классическая философия), тематически (например, классическая наука), эпистемологически или парадигматически (например, классическая рациональность). Способы работы с предметностью обнаруживают некоторое целостное поле связей, которые безотносительно к их актуализированности, рефлексивности и проработанности задают горизонт возможного. В-третьих, целостность стратегий реализации субъективности, задающая приоритеты той или иной активности, определяющая притяжение или отталкивание взгляда и расставляющая акценты во взаимодействиях с предметностью. Целостность стратегий реализации субъективности обнаруживает себя как основание и для порядка вещей, и для порядка познания, то есть устанавливает порядок необходимости.

Указанные три вида целостностей задают дискурсивное пространство, в котором направления движения, спектр возможностей, порядок связи оказываются определенными и предопределенными тем типом дискурса, к которому относятся. Разлад в дискурсивном пространстве, обнаруживающийся на уровне сбоя дискурсивных практик, оказывается тем, что требует необходимости поиска альтернативы данному типу дискурса. Альтернатива эта полагается как противопоставление одного типа дискурса (базового) другому и отсылает к некоторому событию мысли, открывающему возможность иного способа работы с предметностью, задающего (потенциально)

иной, новый порядок дискурса. Иными словами, предельный дискурс оказывается тем, что обрывается усмотрением достоверности. Усмотрение достоверности оказывается тем, что обнаруживает в рамках базового дискурса отсутствие критериев данности, способов выстраивания порядка возможностей, утрату оснований необходимости. Примером этому может служить разворачивание методического сомнения Р. Декарта: сомнение относительно наличия мира, вещей, собственного тела, бога, указание на возможность наличия злого гения, неочевидность математических истин, усмотрение достоверности *cogito*. Достоверность оказывается тем, через что разворачивается потенциально новый дискурс, расставляя свою сеть возможностей, констатируя те или иные данности, определяя порядки необходимости. Иными словами, разворачивание дискурсивного пространства оказывается тем, что лишь предполагает усмотрение достоверности и формирует сеть дискурсивных практик, которые, в свою очередь, подлежат пересмотру лишь через иное усмотрение достоверности.

Таким образом, ситуация начала философии есть ситуация наличествующих, находящихся в процессе постоянной модификации дискурсивных практик, которым в пределе противопоставляется возможность их смены. То, что удерживает модификацию дискурсивных практик в рамках одного дискурса, позволяет выстраивать ряды непрерывности, проследить связи между различными и зачастую разнородными практиками, относящимися к различным предметным полям, конкретизируется в некотором смысловом поле через обладание и объяснение. Различие между работающими дискурсивными практиками и дискурсивными практиками, дающими сбой, в таком случае может быть прослежено через указание на различие между обладанием тем или иным смысловым отношением и его (смыслового отношения) объяснением [1].

Соответственно, это различие должно быть прослеживаемо не только в том виде целостности, который обозначен нами как целостность субъективности, но и в двух других типах целостности. Равным образом работающие и дающие сбой дискурсивные практики должны обнаруживать и различные стратегии работы с предметностью. Работа со стратегией внесения смысловой определенности восходит к платоновским разработкам, равно как различие объяснения и обладания обнаруживается в платоновском *Теэтете*. Поэтому представляется целесообразным проследить различие в способах работы дискурсивных практик именно на этом материале, выявив ту локацию, в которой платоническая мысль может быть удержана, ведь «какая философия не пыталась низвергнуть платонизм? Если философию определять в конечном счете как любую попытку, вне зависимости от ее источника, низвержения платонизма, то философия начинается с Аристотеля; или даже еще с самого Платона, с заключения Софиста, где Сократа невозможно отличить от хитрых имитаторов; или же она начинается с софистов, поднявших много шума вокруг восхождения платонизма и высмеивавших его будущее величие своей нескончаемой игрой в слова» [2, с. 441–442].

Различие между обладанием смысловым отношением и его объяснением в контексте модификации сущего и заботы о себе [3] обнаруживает необходимость реализации данного отношения. Реализация смыслового отношения предполагает удержание целостности предметного поля, дифференциация которого и обнаруживает порядок данной реализации. Именно поэтому, обладая смысловым отношением «софист», нужно для реализации этого отношения выстроить целый ряд модификаций поля сущего. Определенность этого смыслового отношения (софист) ускользает, согласно метафоре Платона, как зверь, за которым ведется охота. Охота за определенностью обнаруживает необходимость доказать, что «небытие в каком-либо отношении существует и, напротив, бытие каким-то образом не существует» [4, 241 d]. Дальше: необходимо доказать, что возможна причастность небытию, что то искусство фокусов, лжи и обмана, которым владеет софист, причастно небытию. Иными словами, нужно вписать предполагаемую в своей возможности стратегию в порядок способов работы с предметностью. Только на этом основании можно приписать эту практику конкретной фигуре (Софисту): можно практиковать софистическое искусство, постольку в эту практику внесена определенность, то есть показано, как она возможна, показана ее способность действовать или претерпевать воздействие.

Таким образом, смысловая дифференциация предметности помимо границы, задаваемой принципиальной непередаваемостью смысла, обнаруживает необходимость, служащую критерием обладания смыслом, – необходимость усилий по реализации того смыслового отношения, на обладание которым мы претендуем. Усилия эти сталкивают нас с нашим же основанием дифференциации предметности. Работа со смысловой определенностью есть постоянное, непрестанное возвращение к основанию, на котором мы вообще имеем с чем бы то ни было дело. Именно такую интерпретацию получает тезис Парменида: «...без бытия, о котором ее изрекают, мысли тебе не найти» [5].

В свою очередь, различие обладания и объяснения, применительно к необходимости или отсутствию таковой в отношении реализации смыслового отношения, позволяет типологизировать способы заботы о себе. Действительно, смысловое отношение, которое может и должно быть реализовано, обнаруживает не человека или гражданина, а фигуру, требующую собственного определения, точнее, собственной реализации в смысловых отношениях. Эта фигура может стать софистом, ремесленником, политиком или философом, она должна обрести собственную плоть и кровь. И обретает она их через взаимоотношения с бытием, через то основание, на котором вводится дифференциация предметности. Так, обладание смысловым отношением требует его реализации, реализация предполагает определенную модификацию поля сущего, которая, в свою очередь, обнаруживает и определяет ту предметность, с которой мы имеем дело.

Смысловое отношение может отсылать к другим смысловым отношениям, но может и обнаруживать собственную герметичность. Первое иллюстрируется метафорой восхождения, в которой от красивого горшка мы переходим к идее прекрасного, к которой сам горшок причастен, и далее, вплоть до того, что созерцают свободные от тел души, ведомые богами олимпийцами [6]. Второе иллюстрируется ситуацией, в которой на вопрос о том, что такое справедливость, в качестве ответа указывают на Перикла: обладания смыслом достаточно, чтобы определить, что Перикл обладает справедливостью, но недостаточно, чтобы от этого определения перейти к другому и тем более хотя бы поставить вопрос о добродетели как таковой. Герметизация обладания смыслом, то есть ограничение его реализации, проблематизирует само обладание, оставляя принципиальную возможность объяснения и его автономизации. Автономизация объяснения и есть то, что обнаруживает утрату подлинного нрава афинянина, поиском которого занимались и Сократ, и Платон равным образом, она же делает возможной и фигуру софиста. В таком случае та или иная фигура конституирует или, если угодно, поставяет (в хайдеггеровском смысле) предметность.

Справедливо и обратное. Не бывает ситуации, в которой можно ничего не делать: предметность оказывается полем, в котором нечто производится, те или иные отношения реализуются, она как-то всегда дифференцирована. То, что мы производим с предметностью, оказывается тем, что начинает нас определять. Способ имени дела с предметностью оказывается способом, который конституирует нашу собственную фигуру: тот, кто имеет дело с предметностью, как софист, становится софистом. Он оказывается причастен небытию в каком-то смысле, потому что занимается искусством фокусов, лжи и обмана. Или наоборот: тот, кто всю жизнь готовится к смерти, зная, что мышление – постоянная внутренняя речь, и, более того, понимая свою собственную внутреннюю речь как непрестанную реализацию смысловых отношений в контексте уже данного, оказывается тем, кто умрет философом. Очевидным в таком случае оказывается вывод о том, что доминантой смысловой определенности как стратегии, разворачивающей себя в трех означенных рядах целостностей, является именно герменевтика субъекта.

Ссылки:

1. Мавринский И.И. Проблематизация и дифференциация сущего как основания стратегии внесения смысловой определенности // Теория и практика общественного развития. 2015. № 17.
2. Фуко М. *Theatrum philosophorum* // Делёз Ж. Логика смысла. М., 1998.
3. Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб., 2007. С. 677.
4. Платон. Софист // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 346–412.
5. Парменид. О природе // Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. Ч. I. 576 с. (Памятники философской мысли).
6. Платон. Федр // Платон. Указ. соч. 241 d.

References:

1. Mavrinskiy, I. 2015, 'Problematization and differentiation exists as a base strategy of making sense of certainty', *Theory and Practice of Social Development*, no. 17.
2. Foucault, M 1998, 'Theatrum philosophorum', G. Deleuze *Logic of Sense*, Moscow.
3. Foucault, M 2007, *Hermeneutics of the subject*, St. Petersburg, p. 677.
4. Platon, 1993, 'Sophist', *Plato. Collected Works*: in 4 vols, Moscow, vol. 2, pp. 346-412.
5. Parmenides 1989, 'On the nature', *Fragments of the early Greek philosophers*, Moscow, part I, p. 576. (Monuments philosophy).
6. Platon 1993, 'Phaedrus', *Plato. Collected Works*: in 4 vols, Moscow, vol. 2, p. 241.